

М.Т. СТЕПАНЯНЦ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Алексей Кара-Мурза

Институт философии РАН, Москва

В статье, посвященной юбилею выдающегося философа-востоковеда Мариэтты Тиграновны Степанянц, говорится о традициях отечественного востоковедения, которые принято в обобщенном виде называть «лазаревской школой ориенталистики», связанной с именами армянских меценатов Лазаревых, основавших в Москве Лазаревский институт восточных языков. К «лазаревской» традиции ориенталистики принадлежат и многие члены московско-армянского семейства Кара-Мурза. Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1878–1956), мой дед, прибыв из Симферополя в Москву, обучался сначала в гимназии-пансионе Лазаревского института, а затем в специальных классах, дающих высшее образование. Окончив с отличием полный курс «Лазаревки» в 1899 г., он закончил и юридический факультет Императорского Московского университета в 1903 г. Крупным востоковедом стал и старший сын С.Г. Кара-Мурзы, родной дядя автора настоящей статьи Георгий Сергеевич Кара-Мурза (1906–1945). Он окончил китайское отделение Московского института востоковедения в 1927 г. и затем преподавал там. Г.С. Кара-Мурза написал несколько монографий и учебников китайского языка, воспитал целую плеяду советских Китаеведов. В годы Великой Отечественной войны он служил политработником на Дальнем Востоке, погиб в августе 1945 г. в Маньчжурии. По стопам знаменитых родственников пошел и автор настоящей статьи. В 1978 г. он окончил кафедру африканистики Института стран Азии и Африки при МГУ, в 1981 г. защитил там кандидатскую диссертацию, в 1980–1990-е гг. долгое время работал в «восточном» секторе Института философии АН под руководством М.Т. Степанянц, о чем и делится своими благодарными воспоминаниями.

Ключевые слова: востоковедение, Лазаревский институт восточных языков, М.Т. Степанянц, С.Г. Кара-Мурза, Г.С. Кара-Мурза.

The article dedicated to the anniversary of the outstanding philosopher and orientalist Marietta Tigranovna Stepanyants discusses the traditions of Russian oriental studies, commonly referred to as the “Lazarev school of Orientalism”, associated with the names of the Armenian philanthropists, the Lazarevs, who founded the Lazarev Institute of Oriental Languages in Moscow. Many members of the Muscovite-Armenian Kara-Murza family also belong to the “Lazarev” tradition of orientalism. Sergei Georgievich Kara-Murza (1878–1956), my grandfather, arrived in Moscow from Simferopol and studied first at the Lazarev Institute’s boarding school, and then in special classes leading to higher education. Having completed the full course of study at the Lazarev Institute with honors in 1899, he also graduated from the law faculty of the Imperial Moscow University in 1903. The eldest son of S.G. Kara-Murza, the uncle of the author of this article, Georgy Sergeevich Kara-Murza (1906–1945), also became a prominent orientalist. He graduated from the Chinese department of the Moscow Institute of Oriental Studies in 1927 and later taught there. G.S. Kara-Murza wrote several monographs and textbooks on the Chinese language and mentored a generation of Soviet sinologists. During the Great Patriotic War, he served as a political officer in the Far East and died in August 1945 in Manchuria. The author of this article followed in the footsteps of his illustrious relatives. In 1978, he graduated from the African Studies Department of the Institute of Asian and African Countries at Moscow State University, defended his PhD dissertation there in 1981, and in the 1980s and 1990s, he worked in the “Oriental” sector of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences under the supervision of M.T. Stepanyants, about which he shares his grateful memories.

Keywords: Oriental Studies, Lazarev Institute of Oriental Languages, M.T. Stepanyants, S.G. Kara-Murza, G.S. Kara-Murza.

Хорошо известно, что востоковедение в России, еще с имперских времен, – одно из престижных национальных занятий армянской диаспоры. Известна и важнейшая причина этого приоритета – подвижническая просветительско-меценатская деятельность армянского купеческого семейства Лазаревых – основателей и попечителей Московского Лазаревского училища, а потом Института восточных языков. К этой, *лазаревской*, традиции в своих публичных выступлениях любит относить себя выдающийся российский востоковед, общественный деятель, одна из моих главных Учителей по жизни – Мариэтта Тиграновна Степанянц.

Согласно рассказам Мариэтты Тиграновны, определение ее, московской школьницы, на поприще занятия Востоком было семейным решением, хотя некоторые учителя-естественники подталкивали круглую отличницу к физико-математическому выбору. Среди родственников и знакомых перебравшейся в Москву в 1927 г. семьи Степанянц были известные востоковеды из других московско-армянских семей: Широяны, Назаретяны, Мелкумьяны.

В 1953–1954 гг. Мариэтта Тиграновна (М.Т.) отучилась год в группе языка урду в Московском институте востоковедения. Институт был прямым наследником знаменитой «Лазаревки» и, сменив после Армянского переулка несколько адресов в Москве, располагался тогда на Ростокинском проезде в Сокольниках. Это было бывшее здание Института филологии, литературы и истории (закрытого в 1941 г. и присоединенного к эвакуированному в Ашхабад МГУ), которое Московский институт востоковедения получил в 1943 г. после возвращения из Ферганы, где был в эвакуации. После расформирования Института востоковедения в 1954 г. М.Т. была переведена на индийское отделение в МГИМО.

Я тоже в значительной степени отношу себя к «лазаревской» традиции отечественного востоковедения. Мой родной дед, Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1878–1956), родился в крымском Симферополе в семье богатого купца – скотопромышленника и торговца шерстью армяно-григорианского вероисповедания. Рано осиротев, дед был отправлен в Москву в Лазаревский институт восточных языков в Армянском переулке, где жил и обучался сначала в гимназии-пансионе, а затем в специальных классах, где углубленно преподавались армянский, арабский, персидский, турецкий языки, восточная каллиграфия, а из европейских языков – французский. Окончив с отличием полный курс «Лазаревки» в 1899 г., дед затем в 1903 г. закончил еще и юридический факультет Императорского Московского университета, избрав карьеру присяжного поверенного.

Однако «Лазаревка» дала деду и такие общегуманитарные знания и навыки, что, наряду с адвокатским поприщем (до революции весьма успешным), он стал еще и активно пишущим художественным и литературным критиком, мемуаристом, историком театра, одним из самых авторитетных в Москве собирателем книг. Их с бабушкой (известной переводчицей, Марией Алексеевной, урожденной Головкиной, – семейство это имело крымско-греческие корни) литературный салон – сначала в доме страхового общества «Россия» на Сретенском бульваре, а потом в нашей квартире на Мясницкой улице – был одним из знаковых, много-

кратно описанных, интеллектуальных объединений русского Серебряного века.

Во время обучения деда в Лазаревском училище, его Директором был Георгий Ильич Кананов (Геворк Кананян) (1834–1897). Родом из кизлярских армян, он с отличием окончил Ставропольскую гимназию – одну из лучших на юге Империи. Отучившись затем на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета, он связал свою жизнь с «Лазаревкой»: в 25 лет стал преподавателем и инспектором; позднее был избран Директором. Его кончина в 1897 г. вызвала глубокую скорбь всех воспитанников: в присутствии многочисленных представителей диаспоры, он был похоронен на Армянском кладбище в Ваганькове в отдельном склепе. Автор проекта – выдающийся армянский художник и архитектор Вардгес Суренянц, сам был выпускником Лазаревской гимназии.

На посту Директора «Лазаревки» Георгия Кананова в 1897 г. сменил Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) – языковед, этнограф, специалист по санскриту. Когда-то он сам закончил в Москве привилегированный частный пансион эльзасца по происхождению, пастора Людвиг Энна, где преподавание для детей московского купечества велось на немецком и французском языках. Затем обучался на историко-филологическом факультете Московского университета, получая престижную стипендию имени свв. Кирилла и Мефодия. Был направлен в Европу для более углубленного изучения санскрита и древней истории Востока.

В Тюбингенском университете его профессором был Рудольф фон Рот – индолог и религиовед, автор монументального санскритского словаря, один из основателей ведийской филологии. В университете Берлина наставником Миллера был не менее именитый индолог и санскритолог, академик Альбрехт Фридрих Вебер. А в Карловом университете в Праге Миллер обучался у профессора Альфреда Лудвига – австрийского филолога-классика и востоковеда-индолога. Имея такую подготовку, В.Ф. Миллер стал не только плодовитым ученым-исследователем, но и умелым наставником для воспитанников московской «Лазаревки». При нем в институте оформился интерес не только к переднеазиатским, но и к индийским языкам и культуре.

Любимыми преподавателями деда в Лазаревском институте, сыгравшими большую роль в его личностном становлении, были, как я понимаю, два человека. Армянский язык и литературу ему преподавал замечательный историк, лингвист, археолог, знаток армянских древностей Крыма Христофор (Хачатур) Иванович Кучук-Иоаннесов (Оганисян) (1852–1919). Судьба его похожа на судьбу деда. Родился в армянской колонии Григориополь под Тирасполем (нынешнее Приднестровье). Согласно Ясскому мирному договору, эти земли в 1791 г. отошли к России и по Указу Екатерины II заселены армянскими переселенцами из Крыма. Существуют две версии происхождения названия «Григориополь». Согласно одной, основатель колонии, светлейший князь Григорий Потемкин, незадолго до смерти назвал городок в честь своего Ангела; по другой – по имени святого Григория, «Просветителя всея Армении».

(Сегодня Григориополь мало похож на историческую колонию: армян почти не осталось; переходящие одна в другую бывшие Екатерининская и Потемкинские улицы носят имя Карла Маркса, а Армянская улица стала улицей Ленина).

Рано осиротевший армянский юноша Хачатур Оганисян на средства купцов-просветителей Лазаревых был отправлен учиться из Григориополя в Москву, где окончил, как позднее и мой дед, сначала гимназию-пансион, а затем и специальные курсы Лазаревского института восточных языков (1872). Согласно распределению, он, один из лучших выпускников, был рекомендован к подготовке к профессорскому званию и откомандирован на кафедру армянского языка факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1879 г. со степенью кандидата. Через год был вызван попечителями обратно в Москву, где поначалу служил воспитателем в Лазаревском пансионе, а с 1883 г. стал преподавать армянский язык и литературу. Тогда же был назначен библиотекарем фундаментальной библиотеки института. В 1891 г. (мой дед тогда уже учился в Лазаревке) был произведен в надворные советники (гражданский чин 7-го класса, соответствующий армейскому подполковнику). Именно от Хачатура Оганисяна – заботливого наставника и увлеченного библиофила – мой дед во многом и перенял страсть к чтению и любовь к книге: его московское собрание многие годы считалось одним из лучших в Москве.

Другим любимым профессором деда в Лазаревском институте стал потомственный московский интеллигент Алексей Николаевич Веселовский (1843–1918), преподававший в старших классах русскую словесность – язык и литературу. Сама его биография импонировала юношам-воспитанникам. Веселовский в юности окончил Александринский кадетский корпус, был выпущен поручиком в Рязанский пехотный полк, но вскоре, выйдя в отставку, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. После его окончания (1863) несколько лет жил за границей: в Германии, Австрии, Венгрии, где занимался историей литературы, музыки и театра.

В 1890-х гг., параллельно с профессорством в «Лазаревке» и родном университете, человек либеральных убеждений, Алексей Веселовский активно сотрудничает с ведущими журналами «Вестник Европы», «Беседа», «Санкт-Петербургские ведомости» и др. А еще он – член Московского театрального комитета, читает лекции по сравнительной культурологии на драматических курсах при Московском театральном училище. Впоследствии он – блестящий интеллектуал-энциклопедист – возглавляет еще и Общество любителей российской словесности, будет преподавать в Народном университете им. А.Л. Шанявского, в театральной школе при Малом театре. Моего деда – студента «Лазаревки», а затем университета, будущий академик Веселовский увлек, конечно, именно этой разносторонностью, умением трудиться (что, в случае с Веселовским означало – блистать) сразу на многих поприщах.

Друг и однокурсник деда по «Лазаревке», будущий академик-тюрколог Владимир Александрович Гордлевский так написал в некрологе об их любимом учителе: «В истории Специальных Классов Веселовский за-

нимает исключительное положение... Лекции Веселовского были своего рода откровением. Неориенталист, он слушателям, задавленным восточными вокабулами, раскрывал красоты восточной поэзии, он внушал им интерес к востоковедению... Его лекции в востоковедном заведении, в которых профессор русской словесности контрабандой знакомил и с западноевропейскими литературами, вводили в неведомый мир литературных идей и движений; это был как бы литературный мост, перекинутый с Востока на Запад; восточная поэзия находила себе место и освещение среди литератур других народов. “Лирическая поэзия на Востоке”, “История начального периода драмы на Востоке и в европейской литературе”, “Кавказ и Крым в литературных отражениях”, “Восточное влияние в русской народной поэзии”, “Восточное влияние в мировой литературе XVIII и XIX веков”, “История научного и художественного ориентализма на Западе и в России” – вот заглавия некоторых специальных курсов, читанных им студентам-лазаревцам» [3, с. 173].

Это парадокс «Лазаревки»: юноши родом из семей, считавшихся в Империи «восточными» (от армян до евреев) сформировались как убежденные «русские европейцы», но... начисто лишенные малейших следов европоцентризма. Примером может послужить тот же Сергей Георгиевич Кара-Мурза-старший, да и все наше семейство московских гуманитариев. К этому же разряду просвещенных россиян – глубоких знатоков Востока по знаниям и русских европейцев-патриотов по убеждениям – принадлежит и Мариэтта Тиграновна Степанянц, а также ее лучшие ученики и коллеги.

В 1909 г. мой дед вместе с бабушкой Марией Алексеевной, совершили свою первую заграничную поездку – разумеется, в Европу – в Берлин и Париж. Через год они снова, подобно многим образованным русским из культурных столиц, едут за границу – в Бельгию, Англию, Голландию. В 1911 г. посещают города и курорты Австрии. А в апреле 1913 г. совершают большой круговой вояж по городам Италии, побывав в Венеции, Падуе, Флоренции, Риме, Неаполе, Помпеях.

10 апреля 1913 г., проживая в знаменитом отеле «Бауэр» на Большом канале в Венеции (известном, в частности, пребыванием там А.П. Чехова, с которым дед был знаком лично, о чем оставил воспоминания), С.Г. Кара-Мурза записал в дневнике (сверяюсь по семейному архиву): «Среда. Холодно. Утром пили кофе в зале. Поехали на пароходике на остров Св. Лазаря в армянский монастырь...».

Каждый воспитанник московской «Лазаревки» знал о существовании в далекой Венеции, на острове San Lazzaro, культового, наподобие священного Эчмиадзина, для всех армян места – уникального монастыря, основанного в 1717 г. монахом Мхитаром из Севастии, бежавшим от преследований турок в итальянские земли под покровительство папы римского Климента XI. Правительство венецианского дожа Джованни II Корнаро предоставило тогда Мхитару заброшенный островок Сан-Ладзаро в венецианской лагуне, где и обосновался основанный Мхитаром Севастийским религиозный орден армян-мхитаристов.

Монастырь мхитаристов превратился в XIX в. в крупнейший научный центр ориенталистики – Наполеон I в 1810 г. присвоил ему статус

Academia Armena Sancti Lazari. А в 1811 г. один из основателей московской «Лазаревки» Оваким (Еким) Лазаревич Лазарев обратился именно к армянскому братству мхитаристов в Венеции с просьбой рекомендовать преподавателей для будущего училища.

Понимаю давнюю мечту деда-библиофила посетить монастырь на San Lazzaro, известный уникальной коллекцией древних манускриптов, старинных книг и старейшей в Европе армянской типографией. Догадываюсь и об удивлении венецианских мхитаристов эрудицией русско-армянского пришельца, приехавшего из далекой северной Москвы!

Дед, конечно, помнил по «Лазаревке» увлекательные рассказы своего наставника Алексея Веселовского, который сам неоднократно бывал в Венеции, в том числе глубоко занимаясь биографией лорда Байрона (она была издана в Москве в 1902 г., имела большой успех и затем неоднократно переиздавалась). Не могли не запомниться деду рассказы Веселовского о пребывании Байрона в 1816–1817 гг. у венецианских армян-мхитаристов на острове Сан-Ладзаро, где тот изучал армянский язык и даже делал переводы. Блестящий стиль изложения Веселовского в его знаменитом очерке (позднее книге) о Байроне демонстрирует, например, такой отрывок о монастыре мхитаристов в Венеции: «Под сводами ли длинной крытой галереи, манящей в свою прохладу, в тени ли монастырского сада, увенчанного исполинской старинной магнолией, – или на обресе берега, у самых волн, под оливковыми деревьями, откуда открывается панорама лагуны, островов и Венеции, – на человека нисходят мир и затишье, созерцание и думы. Возле него, без шума, идет немолчная работа, в библиотеке, по кельям или в наборной палате, но и сознание ее близости не в силах нарушить блаженного замирания всех тревог и волнений, и ровного душевного отдыха...» [1, с. 657]

Давно занимаясь темой «русских в Италии», я знаю еще три примера, когда российский интеллект, когда-то обучавшийся в московской «Лазаревке», будучи в Венеции, специально отправился на островок San Lazzaro, чтобы лично увидеть святыни ордена армян-мхитаристов.

Первый – это Юрий Алексеевич Веселовский, сын Алексея Веселовского, которого профессор-отец отдал в гимназические классы Лазаревского училища, где тот профессионально изучал армянский язык и культуру. Веселовский-младший, окончивший позже историко-филологический факультет Московского университета, побывал в монастыре мхитаристов на о-ве Св. Лазаря, о чем позднее писал в своем очерке о Байроне в Венеции: «Автору посчастливилось беседовать со слепым монахом, который еще помнил Байрона, просиял при его имени, восхвалял его чудную красоту» [2, с. 201, прим.].

Второй персонаж – уже упомянутый мной художник и архитектор Вардгес Суренянц, выпускник «Лазаревки», посетивший Сан-Ладзаро в 1881 г. и изучавший там армянские миниатюры. Третий, как ни странно, – наш великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев.

В 1827 г. семья отставного полковника-кавалергарда Сергея Тургенева с двумя сыновьями, Николаем и Иваном, переехала из Орловской губернии в Москву, приобрела здесь дом на Самотеке и поместила мальчиков в частный пансион немца И.И. Вейденгаммера на углу Гагарин-

ского и Старо-Конюшенного переулков (пансион этот описан Тургеневым в повести «Яков Пасынков»), где те проучились около двух лет. В августе 1829 г. по каким-то причинам братья Тургеневы (Ивану было тогда одиннадцать лет) были переведены в пансион «армянской господ Лазаревых гимназии» под присмотр его держателя, тогдашнего Директора Лазаревского института восточных языков И.Ф. Краузе. Известно также, что пробыли братья там очень недолго и в ноябре того же года покинули «Лазаревку», продолжив обучение дома.

Спустя почти тридцать лет, весной 1858 г., после плодотворной зимы в Италии (где И.С. Тургенев закончил «Асю» и начал «Дворянское гнездо») писатель на пути из Рима в Вену заехал на пять дней в Венецию и посетил там в том числе монастырь мхитаристов на Сан-Ладзаро, о культурных богатствах которого много слышал в армянском пансионе одиннадцатилетним мальчиком. (Апрельские впечатления от прогулок на гондоле по солнечной венецианской лагуне описаны Тургеневым в гл. XXXIII романа «Накануне»).

Увы, не все обучавшиеся когда-то в «Лазаревке» знаменитости оказались столь же сентиментальны и памятьливы в отношении своей альма-матер в московском Армянском переулке. Известно, что будущий выдающийся реформатор театра Константин Сергеевич Станиславский, родом из предпринимательской семьи Алексеевых, проучился в Лазаревских гимназических классах аж четыре года, с пятнадцати до восемнадцати лет. В 1881 г. он, однако, уговорил отца, что не будет сдавать выпускные экзамены по востокovedным дисциплинам, а присоединится к семейному бизнесу и заодно продолжит театральную карьеру.

В 1895 г. Станиславский вместе с молодой женой Марией Петровной Перовошиковой (будущей известной актрисой МХТ со сценическим псевдонимом «Лилина») побывают в Венеции, увлеченные постановкой любительского спектакля «Отелло» по Шекспиру. Станиславский потом напишет: «Желание играть мавра сделалось почти непреодолимым... Плавая в гондоле по каналам, я уже знал, что буду играть любимую роль в ближайшем сезоне... С утра до ночи мы с женой бегали по музеям Венеции и искали старинные вещи, зарисовывали костюмы с фресок, покупали отдельные части обстановки, парчу, шитье и даже мебель...» Упоминаний о посещении супругами армянского монастыря на острове св. Лазаря, увы, нет.

Премьера «Отелло» состоялась 19 января 1896 г. в Москве, в зале Охотничьего клуба. Станиславский сыграл Отелло (молодому Мейерхольду, например, его игра очень понравилась); С.Р. Шернваль – Дездемону, а в роли Яго выступил профессиональный армянский актер Христофор Осипович Петросян. В архиве деда, который в тот год уже перешел в специальные классы Лазаревского Института восточных языков, сохранилась афиша того спектакля. Более чем вероятно, что сам он был на том представлении – тем более, что в «Лазаревке» широко практиковалась раздача премиальных театральных билетов лучшим воспитанникам; и не только на задние скамьи и галерку, но и в партер.

Театр стал одним из главных жизненных увлечений выпускника «Лазаревки» С.Г. Кара-Мурзы. Еще на старших курсах он начал публи-

коваться как театральный критик в «Театральной газете», «Театральном курьере», журнале «Рампа и жизнь». А в 1924 г. опубликовал главное театральное сочинение своей жизни – объемную книгу «Малый театр. Очерки и впечатления» [4].

Лазаревский институт восточных языков имел исключительный престиж среди образованной части старых москвичей – прежде всего, у представителей талантливого юношества и их родителей. В воскресные и праздничные дни старшекласники-лазаревцы были особенно заметны в городе: с гордостью носили они особую форму со шляпой и парадной шпагой. Молодые люди выпускались из «Лазаревки» с 12-м чином «губернского секретаря», согласно Петровской таблицы о рангах (что соответствовало подпоручику в пехоте или корнету в кавалерии), а особо отличившиеся выпускники – с 10-м чином «коллежского секретаря» (поручика и штабс-ротмистра соответственно).

В своих исследованиях по русской философской и политической мысли я неоднократно сталкивался с упоминаниями о чрезвычайно высоком статусе Института восточных языков среди московской интеллигенции. Попасть туда было нелегко. Характерна история двух талантливых друзей, отпрысков богатых еврейских семейств – Марка Вишняка и Ильи Фондаминского, будущих крупных интеллектуалов и политиков эсеровского направления, впоследствии эмигрантов. Получив отличную домашнюю подготовку, они мечтали попасть в гимназические классы Лазаревского института. Но, увы: согласно действовавшему тогда в Империи правилам, доля учащихся-евреев в Москве не должна была превышать 3%. И хотя и Марк, и Илья получили высокие оценки на вступительных экзаменах, в число лазаревцев они не попали: для ребят иудейского исповедания была в том году всего одна вакансия и ее занял, как с обидой вспоминал Вишняк, «некий Румер». Справедливости ради, хочу добавить, что этот еврейский юноша вырос в выдающегося интеллектуала. Осип Борисович Румер (1883–1954) выучил в совершенстве двадцать шесть (!) иностранных языков и стал известным советским переводчиком восточной и западной поэзии.

Добавлю также, что попасть по «еврейской квоте» в Лазаревский институт в 1886 г. удалось будущему выдающемуся философу (с 1922 г. – эмигранту) Семену Людвиговичу Франку (1877–1950), который учился на курс старше моего деда – сначала в «Лазаревке», а потом и на юридическом факультете Московского университета.

Историческая наука вообще, и история стран Востока в первую очередь стали в московской семье «Кара-Мурза» семейным занятием. Выдающимся китаеведом стал старший сын Сергея Георгиевича, мой родной дядя (старший брат отца) Георгий Сергеевич Кара-Мурза (1906–1945). Он окончил Московский институт востоковедения в 1927 г. (с 1924 по 1936 гг. Институт, переехав из Армянского переулка, работал в бывшем здании Клуба ВСНХ в Большом Златоустинском переулке). С 1932 г. Георгий («Жоржик» – как его называли в семье) работал преподавателем Института; в 1935–1938 гг. был его профессором (с 1936 до 1943 гг. Институт работал в здании на углу Маросейки и Лубянского проезда).

Дядя Георгий Сергеевич стал автором нескольких монографий [5; 6] и учебников китайского языка, воспитал целую плеяду советских китайцев. Помню его большую фотографию на кафедре истории Китая (ею заведовал дядин ученик, профессор М.Ф. Юрьев) в бытность мою студентом Института стран Азии и Африки в 1970-е гг. В годы Великой Отечественной войны Георгий Сергеевич служил политработником на Дальнем Востоке. Он погиб в августе 1945 г. в Маньчжурии во время войны с милитаристской Японией.

Когда я в 1973 г. поступил на историко-филологический факультет в ИСАА при МГУ, меня, памятуя семейную традицию, сразу записали на престижное китайское отделение. Пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы меня перевели на давно намеченную мной кафедру – африканистики, куда я активно стремился в старших классах французской спецшколы, перечитывая массивы литературы по истории Тропической Африки.

В конце 1980 г., имея уже почти законченную на кафедре африканистики ИСАА кандидатскую диссертацию по истории Африки, я счастливым образом попал в сектор актуальных проблем философии стран Азии и Африки Института философии, где, в «азиатском» по преимуществу подразделении образовалась вакансия африканиста. В этом, «восточном», секторе нашего Института я проработал около десяти лет под руководством Мариэтты Тиграновны Степанянц.

«Восточный» сектор Института философии РАН был и остается уникальным образованием. Высочайшие стандарты профессионализма и цехового товарищества, заданные в годы мудрого руководства Мариэтты Тиграновны и заложенные, конечно, еще «лазаревской школой», выделяют восточные подразделения Института. Уйдя со временем от непосредственной историко-философской востоковедной работы и перейдя к исследованиям по социальной и политической философии (в основном на российском материале), я стараюсь хранить в себе «лазаревские» традиции и принципы корпоративной дружбы.

Литература

1. *Веселовский А.Н.* Байрон в Венеции. 1816–1819 // Вестник Европы. 1901. № 4. С. 645–691.
2. *Веселовский Ю.А.* Байрон на острове св. Лазаря // Веселовский Ю.А. Литературные очерки. 2-е изд. Т. 1. М.: Почетное дело, 1910.
3. *Гордлевский В.А.* Памяти Алексея Н. Веселовского (1843–1918) // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Т. II. Л.: АН СССР, 1927. С. 171–174.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Малый театр. Очерки и впечатления. 1891–1924. М.: издание автора, 1924.
5. *Кара-Мурза Г.С.* Новый порядок в Манчжурии. Ч. 1–2. Чита: б. и., 1944.
6. *Кара-Мурза Г.С.* Тайпины: великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае (1850–1864). М.: Государственное учебно-педагогическое издательство наркомпроса РСФСР, 1941 (2-е изд. – 1950; 3-е изд. – 1957).

Kara-Murza, Aleksey A. M.T. Stepanyants and the traditions of Russian Oriental studies

References

1. Veselovsky, A.N. (1901), Byron in Venice. 1816–1819, *Vestnik Evropy*, no. 4, pp. 645–691 (in Russian).
2. Veselovsky, Yu.A. (1910), Byron on the Island of St. Lazarus, in: Veselovsky, Yu.A., *Literaturnye ocherki* [Literary Essays], 2nd ed., vol. 1, Pochetnoye delo, Moscow (in Russian).
3. Gordlevsky, V.A. (1927), In memory of Alexey N. Veselovsky (1843–1918), *Zapiski Kollegii Vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR* [Notes of the Collegium of Orientalists at the Asiatic Museum of the USSR Academy of Sciences], vol. II, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Leningrad, pp. 171–174 (in Russian).
4. Kara-Murza, S.G. (1924), *Malyy teatr. Ocherki i vpechatleniya. 1891–1924* [The Maly Theater. Essays and Impressions. 1891–1924], author's publication, Moscow (in Russian).
5. Kara-Murza, G.S. (1944), *Novyy poriyadok v Mandzhurii* [The New Order in Manchuria], part 1–2, Chita (in Russian).
6. Kara-Murza, G.S. (1941), *Taypiny: velikaya krestyanskaya voyna i taypinskoe gosudarstvo v Kitae (1850–1864)* [The Taipings: the Great Peasant War and the Taiping State in China (1850–1864)], State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, Moscow (in Russian).